ТРУДЫ

ПЕНЗЕНСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ.

Вып. V.

1923 года.

Н. И. Спрыгина.

Стоянка первобытного человека в долине р. Суры близ г. Пензы.

ПЕНЗА.
Типо-Литография Губсовнархоза № 3.
1923.

196518-рег.

ТРУДЫ

Пензенского Общества Любителей Естествознания.

Выпуск V-й 1923 г.

Н. И. Спрыгина.

Стоянка первобытного человека в долине р. Суры близ г. Пензы.

(Предварительное сообщение—доклад, прочитанный в заседании П. О. Л. Е. 10 декабря 1922 г.).

Обследование описываемой в настоящем докладе стоянки и изучение собранного материала нельзя считать законченным. Необходимо произвести дальнейшие раскопки и обследования и полнее и детальнее изучить имеющийся материал, что потребует средств и времени. Однако изучение ее находится в такой стадии, что мы считаем возможным напечатать доклад в виде предварительного сообщения, не ожидая того момента, когда работа будет вполне закончена.

На восток от г. Пензы, в пойме р. Суры, на выдутых песчаных дюнах обнажены следы поселения человека с остатками железной, бронзовой и, главным образом, каменной материальной культуры. Положение дюн вблизи города, по дороге в дачную местность Ахуны и на р. Суру, куда жители города ходят на рыбную ловлю и на прогулки, способствовало тому, что ряд лет стоянка была предметом внимания для любителей и расхищалась. Каменные и металлические орудия собирались для составления коллекций или просто разносились школьниками по домам и пропадали бесследно. Солдаты расположенных вблизи лагерей забавлялись порой забрасыванием находимых предметов в воду. Любители главное внимание обращали на тщательно отделанные кра-

сивые предметы, а потому стоянка от сборов их в существенной своей части не пострадала и вид ее не был нарушен; они мало внимания обращали на черепки глиняной посуды и большое количество их, с характерным орнаментом поступило в Музей О-ва Любителей Естествознания, ныне Губернский Естественно—Исторический Музей. Остались также на месте осколки и обломки, получавшиеся при изготовлении орудий. Но и орудия, несмотря на расхищение, все же в большом количестве поступили в Музей.

В книге II-й Трудов Пензенской Ученой Архивной Комиссии напечатана заметка В. П. Попова об открытии в 1904 г. становища первобытного человека на берегу р. Свинухи и о нахождении огромного количества разнообразной формы и величины каменных стрел, расколотых молотков, черепков домашней посуды и т. под., а также предметов бронзового века и разных железных изделий.

В 1917 г. эти предметы поступили в Институт Народного Образования и лишь незначительная часть их в Естественно-Исторический Музей. Как те, так и другие не сопровождаются датами и описью, которая, конечно, должна была иметься в Музее Архивной Комиссии, но которую розыскать не удалось. Следовательно предметы эти не имеют пока научной ценности, и часть их, поступившая в Естественно-Исторический Музей, не могла быть присоединена к материалу со стоянки.

Пензенское О-во Любителей Естествознания почти с самого момента своего возникновения обратило внимание на эту стоянку, но за отсутствием лица, которое взяло бы на себя задачу собирания материала и изучения стоянки, не могло в первые годы осуществить этой задачи. В каталог Музея впервые предметы со стоянки внесены в 1906 г., но собирались они и ранее этого времени. Материал сохранялся в Музее и в то же время принимались меры к сосредоточению в нем собранного любителями.

Впервые с целью сбора предметов я посетила стоянку в 1901 г., в последующие годы посещала ее совместно с другими членами О-ва и лишь с 1919 г., побуждаемая желанием сохранить исчезающий памятник доисторической старины, взяла на себя изучение стоянки, дальнейшее пополнение материала и обработку его. От'езд в 1920 г. в г. Ташкент прервал мои работы, к которым я вернулась лишь по возвращении в г. Пензу, с осени 1921 г. До 1919 г. в Музее имелось собрание предметов с стоянки из 326 экземпляров, в настоящее время их числится 2200.

Истекшим летом 1922 года, удалось произвести более детальное обследование стоянки. Кроме меня в работах приняли участие и некоторые другие члены О-ва. Так И. И. Спрыгиным была исследована местность в почвенном и ботаническом отношении и принималось ближайшее участие во всей работе по изучению стоянки, А. А. Штукенберг исследовал местность в геологическом отношении и собрал гидрографический материал, имевшийся в различных учреждениях, К. Ф. Белоглазовым и Г. А. Ключаревым был снят рабочий план местности. Произведены были раскопки разведочного характера.

Местность, на которой сохранились следы поселения первобытного человека, представляет полосу дюнных песков, которая начинается на ближнем Архиерейском хуторе, тянется вдоль Калашного затона и протока Целибухи, затем с некоторым перерывом перебрасывается через этот проток в месте слияния его с протоком Долгим и оз. Ерней и занимает далее треугольник, ограниченный Долгим, Ерней и простирающийся до Борковской плотины.

При обследовании площади, занимаемой стоянкой, выделены два главные пункта поселения: песчаные дюны вдоль Калашного затона и протока Целибухи и песчаные дюны, ограниченные пр. Долгим, оз. Ерней и простирающиеся до Борковской плотины и несколько за нее. Эти пункты разделяются задернованною площадью протяжением более версты, так что является вопрос, была-ли одна стоянка или два смежных поселения.

Кроме этих двух основных площадей остатки быта доисторического человека найдены, но в небольшом количестве, на двух маленьких изолированных возвышенностях по левому берегу Целибухи и в местности на берегу Суры у Белого омута.

Первая из основных площадей, по берегу Калашного затона и Целибухи, представляет крайне неровную поверхность. Это поверхность древних песчаных дюн, песок которых по уничтожении растительности вновь пришел в движение и снова переносится ветром с места на место. Мы видим здесь разбросанные, там и сям возвышающиеся бугры и холмы, скудно закрепленные ракитником и ивою. Между ними имеются различных размеров впадины и понижения. Некоторые из последних, немногие, более глубокие, имеют сверху иловатый наносный грунт, заросли ивняком, полынью, белокопытником и др. травами и, очевидно, заливаются во время половодья водой из Суры. Другие, чаще встречающиеся и более возвышенные, представляют выдутые и выдуваемые в настоящее время ветром места, на которых кое-где проглядывает ста-

рая с полуразрушенным верхним горизонтом песчаная рыхлая почва. Никаких следов пребывания весенней воды на этих котловинах выдувания не замечается и они, как и упомянутые выше песчаные холмы, повидимому, даже в самые сильные разливы водой не заливаются.

Скопления остатков доисторической эпохи и приурочены к обнажениям старой песчаной почвы на этих котловинах, а там, где эта почва уничтожена выдуванием, остатки встречаются на подстилающем ее песке. Попадаются также они и в песчаных холмах, опять таки в слое древней почвы или несколько ниже ее. Описываемая площадь песков не вся развевается в настоящее время ветром и разделяется на два участка небольшим пространством задернованной и закрепленной травянистой растительностью почвы, на котором пока остатков человека не найдено.

Вторая площадь представляет также полосу развеянных и развеваемых песков, протянувшуюся по возвышенному берегу пр. Долгого с буграми устоявших при раздувании участков, в виде столов возвышающихся на площади песков. В обнажениях их виден также древний почвенный слой. Участки развеянных песков перемежаются площадями задернованными растительностью таким образом, что выделяется 4 участка или острова развеянных песков, из которых первый, ближайший к слиянию пр. Долгого и Ерни, характеризуется наибольшим скоплением остатков доисторического человека.

Таковыми в настоящее время представляются две основные площади, на которых жил в окрестностях Пензы доисторический человек. Для выяснения того, что представляли эти площади в то время, когда он жил здесь, и условий, окружавших его, было предпринято обследование почвенно-геологических условий местности и изучение остатков растительности, сохранившихся в песках и около них.

Почвенные разрезы, заложенные в разных местах стоянки и естественные разрезы в обнажениях протоков Долгого и Целибухи показывают нам, что почвогрунты этой местности состоят исключительно из речных наносных отложений песчаного и глинистого характера, причем пески, нанесенные рекой, были затем переработаны ветром и образовали две большие более или менее всхолмленные площади, может быть некогда представлявшие одну сплошную полосу песков, простиравшуюся от бывш. Архиерейского хутора до Нижней бывш. Карповской рощи или, что является более вероятным, и далее к селу Засечному. Возможно, что эта полоса песков отложилась по берегу Суры, некогда, как можно предполагать, имевший здесь русло, приблизительно совпадавшее с долиной протока Целибухи и лишь впоследствии изменившей его на дру-

гое направление. Весьма возможно, что доисторический человек застал Суру еще на этом месте и выбор этой местности был обусловлен именно близостью песков к реке.

Верхние части площадей песков, нанесенных рекой и переработанных ветром, находились выше уровня даже самых высоких разливов реки. Этот вывод можно сделать, основываясь на том, что пески не заливаются в настоящее время полыми водами Суры, за это говорит также полное отсутствие в верхних слоях этих песчаных площадей каких-либо следов речных отложений, как в виде грубого материала с характером галечника, так и в виде иловатых мелкозернистых материалов. К тому же выводу пришел и геолог А. А. Штукенберг, изучивший имеющийся топографический материал и данные нивелировок в пойме Суры. Специальной нивелировки дюн с остатками поселения человека произведено не было, между тем это дало бы необходимый цифровой материал для суждения о незаливаемости древнего почвенного слоя. Имеются однако данные для различных пунктов поймы, в которой был сделан в 1900 г. ряд профилей инж. Семеновым. Два профиля проходят через интересующие нас пески и говорят о незаливаемости их. Есть предположение, что в прежнее время, когда не было плотин Сергеевской фабрики и других сооружений, уровень весенних разливов был почти на сажень ниже современного. Возможно допустить также, что при большем облесении бассейна стока р. Суры, как это было прежде, весеннее таяние снегов происходило более постепенно, что обусловливало и меньший под'ем полой воды. Имея в виду, что высота песчаных наносов на древнем почвенном слое не превышает 1 метра, можно предполагать, что слой этот не заливался полыми водами. Как бы то ни было, почвенные разрезы на обеих площадях стоянки обнаруживают в подпочве однородные мелкозернистые пески, несомненно отложенные ветром, на что указывают: однородность песков, отсутствие речной гальки и обнаруженная в них косвенная слоистость.

На этих песках, по их отложении ветром, поселилась сосна. Что обе площади были покрыты сосновым лесом, можно заключить по ряду добытых данных. Почвенные разрезы, сделанные у Целибухи и Борковской плотины, обнаруживают темносерые боровые почвы, вполне аналогичные тем, которые и сейчас обычно наблюдаются под сосновыми лесами, например, соседнего Городищенского уезда. В верху мы имеем слабо окрашенный в темносерый цвет гумусовый слой, мощностью 10—15 снт., ниже переходящий в оподзоленный, также маломощный, фиолетово-серый горизонт, под которым залегает переходный буроватый песок

различной мощности и в подпочве желтоватый или беловатый песок, в верхних своих частях еще носящий признаки оподзоленности.

В разных местах обеих площадей в верхних слоях почвы найдены угли и обугленные кусочки древесины; исследование их, взятых в основании одного из предполагаемых жилищ первобытного человека, показало присутствие сосны. Остатки сосны в виде древесины, шишек, хвои и пр. найдены в рядом лежащем обнажении древнего торфяника по берегу пр. Долгого и, наконец, мы имеем еще аргументы в пользу существования соснового леса на этих песках в виде небольшого соснового леска, уцелевшего на бывш. Архиерейском хуторе до нашего времени, сфагнового болотца, имеющегося рядом с последним, и названии Борковской плотины, происходящем, несомненно, от слова бор, борок.

Таким образом, доисторический человек жил в долине Суры, возможно на ее берегу, на более или менее всхолмленных площадях песчаных отложений, покрытых сосновым лесом. Эти площади окружали леса из лиственных пород, перемежавшиеся с болотами и представлявшие малодоступную и труднопроходимую местность. Леса эти еще в XVII веке были целы и составляли часть так называемого Больше-Сурского в'езжего леса. Леса и болота служили надежной защитой для поселений человека и были вместе с близостью реки, вероятно, одной из причин выбора этой местности доисторическим человеком.

На берегу протока Целибухи среди песков, пестреющих черепками глиняной посуды и осколками кремневых и других орудий, обнаружены как-бы уплотненные гребни темносерого гумусового верхнего почвенного слоя, выделяющиеся на фоне песка в виде в одном случае прямоугольника, в других трех—вытянутых овалов. С большим вероятием можно считать эти фигуры основаниями жилищ доисторического человека.

Прямоугольное основание имеет наибольшие размеры—длина его равна 15 метр. 65 снт., ширина же колеблется от 6 метр. 85 снт. до 7 метр. 65 снт. В одной из стенок намечается перерыв, как бы выход из жилища.

В центре этого прямоугольного основания нами был выкопан колодезь и взят почвенный образец. При этом сделано заключение, что основание жилищ представляло яму, в настоящее время засыпанную нанесенным ветром песком; почвенные слои в этой яме нарушены; в нижних частях культурного слоя и ниже его найдены в довольно большом количестве черепки глиняной посуды с орнаментом и без него, мелкие кусочки костей животных, а в более верхних слоях угли и полуобгорелые куски древесины деревьев, в том числе и сосны.

В нескольких шагах от этого основания был обнаружен в песке неполный, но сохранивший форму и размеры сосуд, украшенный по краю лепным орнаментом.

Об устройстве жилищ человека, жившего на дюнах, достоверно можно было бы говорить лишь после основательных раскопок, требующих больших сил и средств чем те, которые имелись у нас. По аналогии же их с подобными следами жилищ, найденными в других местах России на дюнных стоянках, можно предполагать, что это были землянки.

Самое название „стоянка" показывает, что поселения первобытного человека на дюнах разсматриваются археологами, как временные. Существует предположение, впервые высказанное А. С. Уваровым и поддержанное другими археологами, что человек обитал на дюнах лишь в летнюю пору, устраивая себе для жилья шалаши, а на зиму уходя в другие места и поселяясь в пещерах.

В. В. Хвойко, описывая неолитические землянки среднего Приднепровья, указывает на большое преимущество их в техническом отношении перед пещерою. Нам кажется, что, имея землянки, обитатель наших дюн не нуждался в перемене их на пещеры, которых в окрестностях Пензы пока не найдено.

Как сказано выше, остатки культуры доисторического человека в виде орудий и черепков посуды наблюдаются на полуразрушенном почвенном культурном слое, там, где он уцелел, а там, где он совершенно разрушен и сдут ветром, прямо на песке. Углубление в песок в таких местах не обнаруживало никаких остатков человека—ниже встречался только песок в виде, как мы заключили, ненарушенных слоев почвы.

С целью обнаружить нахождение орудий и остатков посуды на древней погребенной почве, еще не обнаженной ветром, разрыт один из бугров и в контакте почвенного слоя с навеянными песками найдены куски кремня и черепки глиняной посуды. Во многих местах, там, где сохранился древний почвенный слой и на нем навеянный песок, снимали этот песок и копали вглубь. Результаты были те же: находили в контакте почвенного слоя и наносного песка черепки, куски кремня и орудия из него. Ниже древнего почвенного слоя остатки не попадались. Таким образом, предварительные раскопки способствовали уяснению того, что остатки материальной культуры первобытного человека всюду приурочены к древнему почвенному слою, а там, где он разрушен выдуванием, они опускались на подстилающий его песок. Приобрести же свежий материал для суждения о культурных наслоениях при предварительных раскопках не удалось. Возможно все же, что при дальнейших

изысканиях удастся набрести на нетронутые еще скопления остатков, скрывающиеся под песчаными наносами. Толщина этих наносов в месте одного почвенного разреза равнялась 72 снт., другого—40 снт., но она достигает и больших размеров, не превышая, однако, 1 метра.

В различных местах стоянки обнаруживается уголь, оставшийся от костров, иногда вместе с ним черепки посуды, а в некоторых местах (например, на ЮЗ от линии оснований жилищ) невысокие бугорки, в которых встречаются в небольшом количестве и в нарушенном порядке кости животных. В 1919 г. был разрыт один из бугров и в нем найдены обугленные кости человека; порядок их был нарушен и черепа среди них не было. На бугорке около оснований жилищ взят лежавший кучкой охристый железистый песчаник, возможно, служивший краской, употреблявшейся для засыпания покойников.

Найденные на стоянке ядрища, испорченные или недоделанные орудия, осколки, получавшиеся при выделке, инструменты для обработки в форме отбойников и шлифовальных камней, тигли и шлаки указывают на то, что стоянка была вместе с тем и мастерскою для приготовления орудий.

На поверхности песков в местах скопления остатков, пестреющей отбитыми пластинками кремня и кусками песчаника, законченными отделанными ретушью наконечниками стрел, скребками, осколками шлифованных долот, черепками глиняной посуды, полуразрушившимися костями животных и изредка крупными орудиями—топорами, молотами и т. под., разбросан и материал, из которого делались орудия. Образцы его определены А. А. Штукенбергом. Мы имеем: разные виды песчаника и кремень, служившие главным материалом для изготовления орудий, затем гранит, глинистый сланец, бурый железняк, полуопал. Все это местные породы, большею частью в виде валунов принесенные ледником в ближайшие окрестности стоянки. Лишь лиственит, из которого сделано ожерелье, привезен с Урала, где находится месторождение его. Вероятно, он поступил на место стоянки уже в виде драгоценной поделки, свидетельствующей о связи нашей стоянки с Уралом. Инструменты для обработки камня, взятые на стоянке, состоят из 6 шлифовальных камней и 14 отбойников. При помощи песка и воды, путем долгого терпеливого трения обрабатываемого орудия об эти камни, достигалась человеком совершенная шлифовка, которую мы видим на долотах, некоторых молотах и других орудиях. Отбойники служили для отбивания пластинок от куска кремня, для оббивания песчаника и других пород и для нанесения ретуши на орудия путем отжима мелких

подлежащих удалению частей. Орудия, служившие последней цели, более миниатюрные по размерам, правильнее называть, пользуясь термином Мортилье *) и имея в виду технику вторичной обработки орудий, нажимниками. Далее мы имеем 24 экземпляра нуклеусов, кусков кремня, от которых помощью отбойников отделялись lames или пластинки. Среди них имеется экземпляр нуклеуса, интересный в том отношении, что вместе с ним найдена отбитая от него пластинка, что определенно подтверждается полным совпадением поверхностей и темно-серых и светлых полосок кремня. Пластинки различных видов кремня и различных размеров, вставленные в рукоять или просто зажатые пальцами руки, служили человеку, как ножи. Часто лезвие подвергалось вторичной обработке, заострялось ретушью. Два экземпляра среди ножей, судя по характеру нанесенной ретуши, могли служить и пилами. Размеры ножей колеблятся от 28 до 115 м. м. Материал—всегда кремень. Пластинок в коллекции—102, ножей—72.

Пластинки, отбитые от нуклеуса в форме острия, употреблялись на изготовление наконечников стрел. Мы имеем ряд наконечников несовершенной отделки, которая позволяет судить о таком происхождении их. Но таких небрежно отделанных, неопределенной формы наконечников мало, большая часть их тщательно отретуширована, достигает порой изящества ювелирной поделки и относится к тому или иному типу. Наконечники стрел, встречающиеся на нашей стоянке, могут быть отнесены к следующим типам: листовидный, подразделяющийся на форму ивового листа и форму миртового листа, со стержнем, с язычком и жалами, ромбовидный, треугольный, с глубокой выемкой на основании и миндалевидный. Наконечники стрел отделывались иногда таким образом, что мог работать и тот и другой конец. Разнообразие форм наконечников, возможно, не было случайным и стрелы каждого типа служили для определенного назначения: для охоты, например, на птиц, на зверей, для военных целей и т. д., так, как это существует у современных дикарей, приспособляющих форму своих наконечников к прохождению одних в межреберные пространства человека, других—в межреберные пространства животных. Размеры наконечников стрел колеблятся от 14 до 72 м. м. Материал, главным образом, кремень, в редких случаях—песчаник. Число наконечников стрел нашей коллекции—636.

Наконечников копий и дротиков имеется 108. Размеры их значительно превышают размеры наконечников стрел, достигая 15 сант. Фор-

---

*) Г. и А. де Мортилье. Доисторическая жизнь. Стр. 135.

ма и отделка также разнообразны. Необходимо упомянуть, что примитивность обработки не говорит о древности орудия: это могли быть небрежно отделанные орудия, на ряду с которыми изготовлялись орудия тщательной, совершенной обработки.

Скребки в коллекции имеются в количестве 452 экземпляров. Обилие их говорит о том, что они наравне с наконечниками стрел были в большом употреблении. Служили скребки для обработки шкур животных, в которые одевался обитатель дюн, и для выскабливания дерева. Размеры их распообразны, от очень маленьких, с трудом захватываемых рукой, длина работающей стороны которых равняется 10 м.м., до крупных в 65 м.м. Материал—кремень, иногда сливной песчаник.

Затрачивая большой труд на изготовление орудия, человек часто приспосабливал его для нескольких назначений. Мы отмечаем, что скребками с зоостренным углом он мог работать как резцами, скребки из ножевидных пластинок могли служить и ножами, некоторые скребки отделаны так, что прикрепленные к древку они могли служить наконечниками. Всегда при изготовлении орудий человек имел в виду удобство захвата его рукою и с большим искусством располагал сколы, образуя ямки и бугорки для упора того или иного пальца.

Пил в коллекции—15. Прямой край этого орудия был режущей частью, выпуклая же сторона укреплялась в деревянной рукоятке. Материал пил—кремень и песчаник. Размер большей из пил 127 м.м., меньшей—52 м.м. Кремневые шила (4 экз.) и сверла или буравчики (35 экз.) имели назначение аналогичное современному. Далее мы имеем клинья (19 экз.), стамески (8 экз.) и долота. Среди долот выделены прямые (16 экз.) и желобчатые (7 экз.) Размеры их разнообразны: от 18 до 52 м. м. ширины и от 40 до 100 м. м. длины. Большая часть этих орудий тщательно отшлифована. Правильность формы их достигалась появившимся в конце неолитической эпохи искусством пиления камня, которое облегчало тяжелую и медленную работу полирования. Пилили камни с помощью шнура, костяных и деревянных пластинок и кремневых пил. При пилении шнуром и пластинками подсыпали влажный песок, при работе пилой этого не делали, т. к. зубья пилы стирались бы.

Топоров на стоянке найдено 11. Сделаны они из песчаника и большая часть их носит следы скрепления с рукояткой. Заслуживает внимания один экземпляр—большой топор в 25½ сант. длины и 15½ сант. ширины, имеющий на одной стороне скол для упора большого пальца, а на другой глубокую выемку в размер четырех пальцев. Это—ручной топор, служивший в то же время шлифовальным камнем:

узкие боковые поверхности его желобковато вогнуты и вышлифованы. Найдено 4 метательных камня и 2 камня ручной мельницы, также из песчаника. Материалом же для молотов (14 экз.) кроме песчаника служили: диорит, диабаз, змеевик и кремнистый сланец. Один молот расколот в месте сверлины, другой носит следы начатого сверления. На нем мы убеждаемся, что сверление производилось полым сверлом: трубчатой костью, тростником или рогом. То же подтверждают найденные на стоянке усеченные конусы, остававшиеся при сверлении в полости сверлящей трубки.

Бронзовые орудия изготовлялись обитателями дюн также на месте стоянки. В этом убеждают нас следующие предметы: тигли для плавления металлов, льячки (одна в форме ложки и другая в форме плошечки с суженным носиком и удобной для захвата ручкой), половинка формы, служивший для отливки подвеска, первый и второй шлаки.

Боевой кельт, кинжал, наконечник копья, наконечники стрел, кольца и фибулы, подвеска, рыболовный крючек, шила, пластинки и маленькие шарообразные слитки, это—остатки бронзы. Остатки эти немногочисленны, т. к. бронза, как материал ценный сам по себе, расхищена с стоянки в первую очередь.

Анализ вещества, из которого сделаны найденные предметы, произведен не был и среди называемой мною „бронзы" могут быть медные орудия.

Из предметов железного века на стоянке найдены: наконечник копья, наконечники стрел, боевой кельт, рыболовные крючки и железные предметы, настолько разрушенные ржавчиной, что трудно судить об их назначении, но интересные в том отношении, что их заржавевшая поверхность имеет отпечатки тканей. Вместе с ними найден сустуг—бронзовое нагрудное женское финское украшение. Имеется ряд других предметов более позднего времени.

В области керамики, т. е. в области гончарного производства, стоянка дает нам следующие предметы: грузила для рыболовных сетей, пряслицы для веретен, глиняные пуговицы, тигли, льячки, форма для отливки металла и черепки горшков, составляющие главную массу керамического материала.

Материалом для керамических изделий служила глина в несколько измененном обработанном виде и с примесью посторонних веществ, которые вводились с целью предохранить стенки сосудов от растрескивания во время обжигания и придать им большую прочность. В черепках посуды нашей стоянки мы наблюдаем в качестве примеси уголь, золу

и толченую опоку; ни раковин, ни песка в том количестве, которое говорило бы об искуственной примеси его, нет.

Необходимо упомянуть, что в окрестностях Пензы встречается делювиальная глина с примесью мелких кусочков опоки.

Формовались сосуды от руки, без помощи основ и гончарного круга. Один из черепков нашей коллекции говорит о применявшемся способе лепить сосуды из глиняных полос или лент: на нем ясно виден след распада полос по стыку.

Обжиг сосудов различен. Есть слабо обожженные темные черепки, затем черепки с цветною слоистостью в изломе—в них обжиг сильнее, чем в первых, но он неравномерно распространился по стенкам сосуда и, наконец, есть сосуды сильно и равномерно обожженные.

Размеры горшков, судя по остаткам их, разнообразны—от очень маленьких сосудов до больших корчаг. Точно восстановить размеры трудно, однако дно, равное 45 м.м. в диаметре, говорит о принадлежности его сосуду небольших размеров, черепки же, имеющие незначительную кривизну при большой поверхности заставляют предполагать, что они принадлежали сосудам значительных размеров. Сосуд, найденный около оснований жилищ, имел около 36 сант. в высоту и в диаметре горла. Можно отметить, что на песках у пр. Долгого встречались черепки наиболее миниатюрных сосудов, а также, что черепки этого пункта стоянки беднее орнаментом. Сосуд, найденный в песке у пр. Долгого целым, не был украшен орнаментом и имел высоту 11 сант.

В главной массе сосуды стоянки плоскодонны, лишь в небольшом количестве встречаются тщательно орнаментированные черепки круглого дна, принадлежащие сосудам малых размеров. Как известно, в неолитическую эпоху в средней России господствуют формы круглодонных сосудов, тогда как формы плоскодонных сосудов в это время представляют исключения. В бронзовую эпоху плоскодонные и круглодонные сосуды встречаются вместе и приблизительно в одинаковом количестве, но с началом железного века плоскодонная посуда вытесняет круглодонную, встречающуюся в это время лишь в виде редких пережитков и, главным образом, в мелких изделиях технического назначения. К последней категории можно отнести круглодонные сосуды нашей стоянки.

Стенки и дно сосудов тщательно сглаживались, за исключением некоторых сосудов, на которых видна спешная и грубая работа. Предполагают, что подобные сосуды предназначались для умерших, чем и об'ясняется спешная обработка их.

Сглаживание иногда оставляло следы на внешней и внутренней стороне стенок и, судя по этим следам, производилось пучками травы или просто щепочками, в редких случаях гребенчатым инструментом.

Толщина стенок сосудов от 4 до 12 м. м.

Шейка горшков слабо выражена или совсем отсутствует. Плечи—небольшие или их совсем нет. Край—очень часто прямой, в других же случаях он вогнут или отогнут. Ручек у сосудов нет. Для подвешивания их в шейках или вверху боковых стенок наших сосудов делались дыры, в которые продевались прут или веревка и заменяли ручку. Дыры прокалывались или сверлились по одной или попарно на противоположных сторонах, но есть черепки, на которых дыры расположены непрерывным рядом, с очевидною целью украсить ими сосуд. Кроме того мы имеем черепки сосудов с дырами в боках и у дна. Они принадлежат так называемым сосудам загадочного назначения, относительно которых археологам не удалось еще точно установить с какой целью они делались.

Стенки сосудов тщательно покрывались орнаментом, который иногда украшает сплошь весь сосуд, даже внутреннюю сторону края и дно, в большинстве же сосудов нашей стоянки располагается по внешнему краю сосуда. Орнамент является характерной частью сосудов и ему при изучении памятников старины специалистами уделяется серьезное внимание. Так, известный русский археолог, В. А. Городцов, посвятил особый труд русской доисторической керамике и в частности орнаменту *). В нем он говорит: „Появление, распространение и уничтожение тех или других элементов и мотивов орнамента дает возможность следить за событиями в пространстве и времени, а это есть одна из главных задач каждой исторической науки. На этом свойстве возникает возможность точной классификации элементов орнамента и возможность руководиться им в хронологических определениях с такою силою, с какою производятся такие определения в палеонтологии на основании остатков вымерших животных организмов.“

Он вводит деление элементов орнамента на семейства, роды и виды. Основанием деления служат орудия или инструменты, которыми воспроизводились элементы. Способы применения тех или других из них положены в основу характеристики семейств, общие или типовые формы орудий—в основу деления на роды, характерные и видовые особенности

---

*) В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика. Труды XI археологич. с'езда в Киеве 1899 г.

каждого из них в воспроизведении элементов орнамента—в основу деления на виды.

Труд В. А. Городцова и те труды, на которые он ссылается *), дали возможность разобраться в нашем смешанном материале и расположить его по эпохам, которые он характеризует.

Из описанных В. А. Городцовым семейств среди орнаментов нашей стоянки мы имеем 4: сем. печатных, сем. чеканных, сем. резных и сем. лепных.

Характеризуя эти семейства, В. А. Городцов указывает область распространения каждого из них и историю возникновения и развития его в России. Он указывает, что русские виды печатного орнамента особенно близко стоят к сибирским видам, с которыми составляют как бы одно целое, что центром возникновения и распространения чеканных служили или Зап. Сибирь или Центральная Россия, где их найдено более всего и откуда они распространились в Зап. Европу, что сем. резных проникло в Россию из Зап. Европы, с средиземно-морского побережья и что лепным орнаментом особенно богаты были Малая Азия и Балканский полуостров, последний и послужил очагом распространения его по всей Европе.

Свободное творчество человека с трудом укладывается в тесные рамки научной классификации, тем не менее является возможность расположить наш материал в три группы: часть его является характерной для неолитического периода, часть для бронзового и часть для железного. Не весь однако материал укладывается в эти рамки и выделяется группа черепков, орнаменты которых не характерны для той или иной определенной эпохи или не типичны для воспроизведения элементов того вида орнамента, к которому они относятся.

Стоянка не дала антропологического материала, если не считать черепа, выкопанного вблизи второго пункта стоянки. Череп этот нас-

*) Я имела возможность пользоваться следующими из них:

А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. 1881 г.

Клер и Фаддеев. Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у деревни Палкино, на р. Исети. Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. II. 1896 г.

Бульчев Н. И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки.

Он же. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги 1903 г.

Спицин А. А. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. Матер. по археологии вост. губерний России. 1893 г.

Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена. Перев. Ф. К. Волкова под ред. Д. Н. Анучина. СПБ. 1898 г.

А. Штукенберг и Н. Высоцкий. Материалы для изучения каменного века в Казанской губ. Тр. Общ. Ест. при Имп. Каз. Ун. т. XIV вып. 5. Казань. 1885 г.

В. А. Городцов. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки. Тр. VIII археолог. съезда т. III.

Ранке. Человек. СПБ. 1900 г.

только разрушен, что восстановить, склеить его не удалось. Сохранившиеся надбровные дуги не говорят о большой древности его, хотя они развиты все же сильнее, чем на черепах современных. Погребения на дюнных стоянках могут быть находимы только случайно, а потому относительно нашей стоянки, как и относительно других, так называемых неолитических, стоянок средней России в настоящее время невозможно судить, какой народности или каким народностям принадлежат памятники их.

Приблизительно на грани перехода от каменного к металлическому периоду этот неизвестный обитатель средней России начал систематически выжигать леса, покрывавшие дюны, борясь таким путем с невыносимыми насекомыми и другими вредными для него элементами природы. *) Следом этого выжигания является пепелистый или углисто-черный культурный слой, а также прослойки угля, прослеженные на Пензенской стоянке на большое расстояние вдоль обнажения по берегу пр. Долгого в части ближайшей к Борковской плотине.

Обитатель дюн был рыболовом — охотником. Фетиши, найденные на стоянке подтверждают нам это: первобытный человек обоготворял, конечно, те явления окружавшей его природы, которые приносили благополучие или грозили ему гибелью, и вот он изображает из кремня рыбу, птицу и четвероногое животное, возможно страшного медведя Городищенских ныне лесов.

У нас пока нет твердых данных для суждения о том был ли знаком обитатель наших дюн с земледелием и скотоводством. Он был знаком с огнем, о чем свидетельствуют остатки кострищ, обожженная посуда, обугленные кости и пр. Найденные прясла и ткацкий грузик(?) говорят о том, что он умел изготовлять нити и ткани, но неизвестно какое волокнистое растение он обрабатывал.

Ожерелье из листвейита и подвески различной формы, придавал ли он им значение амулетов или простых украшений, говорят нам, что человеку, обитавшему на дюнах, не чужды были эстетические стремления.

Сличив материал стоянки с имеющимся в Московском Историческом Музее, пользуясь литературными описаниями дюнных стоянок Средней России и основываясь на результатах изучения орнамента, мы отмечаем, что стоянка около г. Пензы имеет большое сходство с Окскими дюнными стоянками и относится к Сейминской культуре.

Позволю себе изложить характеристику Сейминской культуры по труду В. А. Городцова «Культуры бронзовой эпохи в Средней России».

*) В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России.

Сейминская культура явилась в Средней России во второй половине II тысячелетия до Р. Х. (около XIV—XIII веков) т. е. совпадала с самым концом бронзовой эпохи и началом железной. Сейминская культура носит очень выразительные признаки сильного культурного влияния Сибири, проникшего не только через всю Россию, но и через всю Зап. Европу, включая такие отдаленные области, как Англия, Португалия, Италия и Балканский полуостров. На долю Сейминской культуры выпала роль передаточной инстанции в этом продвижении. В конце II тысячелетия до Р. Х. и Запад Европы начинает оказывать как бы ответное влияние, которое, проникая в Сибирь, задевало и область Средней России. Кроме того, Сейминская культура испытывала влияние Средней Азии, связывавшей весь север, от Балтийского моря до Байкала, с Месопотамией, составлявшей, подобно Египту, один из главных очагов общечеловеческой культурной базы бронзовой эпохи. Прочно осевши на берегах р. Оки, Сейминская культура перешла в этой области из бронзовой эпохи в железную.

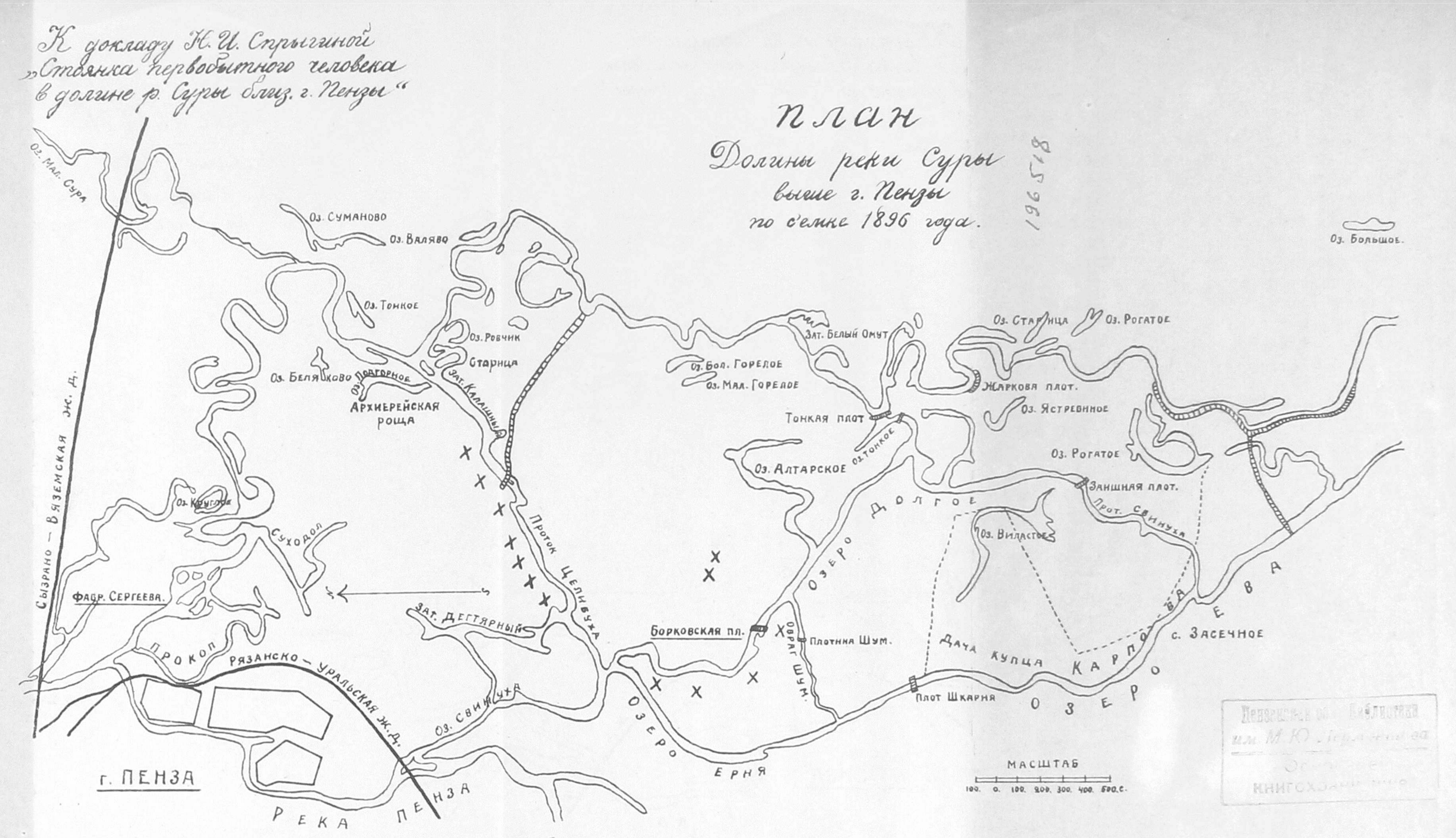
Возвращаясь к описываемой нами стоянке у г. Пензы, мы можем на основании обследования ее на месте, предварительных раскопок и изучения материала высказать предположение, что стоянка относится к концу бронзового века и началу железного, но являясь культурой отсталой, она сохранила, как пережиток, каменную индустрию и неолитический орнамент.

Некоторые предметы коллекции были определены проф. В. А. Городцовым. Пользуюсь случаем принести ему глубокую благодарность за определение и за содействие и указания при моих занятиях в Московском Историческом Музее.

Я также глубоко признательна за помощь, которая оказана мне доставлением литературных справок работающими в Самаре археологами, Н. П. Зубцовой и А. А. Марущенко, а также Пензенскому Губполитпросвету и всем учреждениям и лицам, оказавшим мне ту или иную помощь при изучении стоянки.

Прилагаемый план долины р. Суры не соответствует распределению водоемов в период времени поселения первобытного человека— уже в последние 100 лет произошли громадные изменения в распределении водоемов, что выясняется при сравнении этого плана с планом 1782—1798 г.г. Со времени с'емки плана, 1896 г., произошли также значительные изменения, а потому на нем крестами отмечено лишь географическое положение стоянки, но не перенесены более детальные обозначения с рабочих планов.

Пенза, Гублит. № 161. Типо-Лит. Губсовн. № 3. Тираж 1000 экз.

К докладу Н. И. Спрыгиной
„Стоянка первобытного человека
в долине р. Суры близ. г. Пензы"
План
Долины реки Суры
выше г. Пензы
по съемке 1896 года.
196518
Оз. Мал. Сура
Оз. Суманово
Оз. Валяво
Оз. Тонкое
Оз. Ровчик
Старица
Оз. Беляково
Оз. Подгорное
Зат. Калашный
Архиерейская
роща
Оз. Круглое
Суходол
Фабр. Сергеева.
Сызрано – Вяземская ж. д.
Проток Целивуха
Зат. Дегтярный
Прокоп
Рязанско – Уральская ж. д.
Оз. Свинуха
г. Пенза
Река Пенза
Оз. Бол. Горелое
Оз. Мал. Горелое
Зат. Белый Омут
Тонкая плот
Оз. Тонкое
Оз. Алтарское
Озеро Долгое
Борковская пл.
Овраг Шум.
Плотина Шум.
Озеро Ерня
Оз. Старица
Оз. Рогатое
Жаркова плот.
Оз. Ястребиное
Оз. Рогатое
Заншная плот.
Прот. Свинуха
Оз. Виластое
Дача купца Карповева
с. Засечное
Плот Шкарня
Озеро
Оз. Большое
Масштаб
100. 0. 100. 200. 300. 400. 500. с.
XX – места поселения первобытного человека

15 коп.

Издания Пензенского Общества Любителей Естествознания.

Труды П. О. Л. Е. Вып. I-й 1913 г.

Труды П. О. Л. Е. Вып. II-й 1915 г.

Труды П. О. Л. Е. Вып. III-й и IV 1917 г.

Очерк деятельности П. О. Л. Е. за десять лет с 1905 по 1915 г.

Инструкции:

1. Для собирания насекомых.

2. Для собирания растений.

3. Для собирания млекопитающих, земноводных, рыб и слизняков и наблюдение над их образом жизни.

4. Для собирания геологического материала.

Для чего и как надо наблюдать влияние войны на природу.